

Эрнест Хемингуэй - Прощай, оружие

Действие романа происходит в 1915-1918 гг. на итало-австрийском фронте. Американец Фредерик Генри — лейтенант санитарных войск итальянской армии (итальянской — потому что США еще не вступили в войну, а Генри пошел добровольцем). Перед наступлением в городке на Плавне, где стоят санитарные части, — затишье. Офицеры проводят время кто как умеет — пьют, играют в бильярд, ходят в публичный дом и вгоняют в краску полкового священника, обсуждая при нем разные интимные вещи. В расположенный по соседству английский госпиталь приезжает молодая медсестра Кэтрин Баркли, у которой во Франции погиб жених. Она сожалеет, что не вышла за него замуж раньше, не подарила ему хоть немного счастья. По войскам проносится слух, что надо ждать скорого наступления. Надо срочно разбить перевязочный пункт для раненых. Австрийские части находятся близко от итальянцев — на другой стороне реки. Генри скрашивает напряжение ожидания ухаживанием за Кэтрин, хотя его смущают некоторые странности её поведения. Сначала после попытки её поцеловать он получает пощечину, потом девушка сама целует его, взволнованно спрашивая, всегда ли он будет добр к ней. Генри не исключает, что она слегка помешанная, но девушка очень красива, и встречаться с ней лучше, чем проводить вечера в офицерском публичном доме. На очередное свидание Генри приходит основательно пьяным и к тому же сильно опаздывает — впрочем, свидание не состоится: Кэтрин не совсем здорова. Неожиданно лейтенант чувствует себя непривычно одиноким, на душе у него муторно и тоскливо.

На следующий день становится известно, что ночью в верховьях реки будет атака, туда должны выехать санитарные машины. Проезжая мимо госпиталя, Генри на минуту выскакивает повидаться с Кэтрин, та дает ему медальон с изображением святого Антония — на счастье. Приехав на место, он располагается с шоферами в блиндаже; молодые ребята-итальянцы дружно ругают войну — если бы за дезертирство не преследовали родных, никого бы из них здесь не было. Нет ничего хуже войны. Проиграть её — и то лучше. А что будет? Австрийцы дойдут до Италии, устанут и вернутся домой — каждому хочется на родину. Война нужна только тем, кто на ней наживается. Начинается атака. В блиндаж, где находится лейтенант с шоферами, попадает бомба. Раненый в ноги, Генри пытается помочь умирающему рядом шоферу. Те, кто уцелел, доставляют его к пункту первой помощи. Там, как нигде, видна грязная сторона войны — кровь, стоны, развороченные тела. Генри готовят к отправке в центральный госпиталь — в Милан. Перед отъездом его навещает священник, он сочувствует Генри не столько потому, что того ранили, сколько потому, что тому трудно любить. Человека, Бога... И все же священник верит, что когда-нибудь Генри научится любить — душа у него еще не убита — и тогда будет счастлив. Кстати, его знакомую медсестру — кажется, Баркли? — тоже переводят в миланский госпиталь. В Милане Генри переносит сложную операцию на колене. Неожиданно для

себя он с большим нетерпением ждет приезда Кэтрин и, как только она входит в палату, переживает удивительное открытие: он любит её и не может без нее жить. Когда Генри научился передвигаться на костылях, они с Кэтрин начинают ездить в парк на прогулку или обедают в уютном ресторанчике по соседству, пьют сухое белое вино, а потом возвращаются в госпиталь, и там, сидя на балконе, Генри ждет, когда Кэтрин закончит работу и придет к нему на всю ночь и её дивные длинные волосы накроют его золотым водопадом.

Они считают себя мужем и женой, ведя отсчет супружеской жизни со дня появления Кэтрин в миланском госпитале. Генри хочет, чтобы они поженились на самом деле, но Кэтрин возражает: тогда ей придется уехать: как только они начнут улаживать формальности, за ней станут следить и их разлучат. Ее не беспокоит, что их отношения никак официально не узаконены, девушку больше волнует неясное предчувствие, ей кажется, что может случиться нечто ужасное.

Положение на фронте тяжелое. Обе стороны уже выдохлись, и, как сказал Генри один английский майор, та армия, которая последней поймет, что выдохлась, выиграет войну. После нескольких месяцев лечения Генри предписано вернуться в часть. Прощаясь с Кэтрин, он видит, что та чего-то недоговаривает, и еле добивается от нее правды: она уже три месяца беременна.

В части все идет по-прежнему, только некоторых уж нет в живых. Кто-то подхватил сифилис, кто-то запил, а священник все так же остается объектом для шуток. Австрийцы наступают. Генри теперь с души воротит от таких слов, как «слава», «доблесть», «подвиг» или «святыня», — они звучат просто неприлично рядом с конкретными названиями деревень, рек, номерами дорог и именами убитых. Санитарные машины то и дело попадают на дорогах в заторы; к колоннам машин прибываются отступающие под натиском австрийцев беженцы, они везут в повозках жалкий домашний скарб, а под днищами повозок бегут собаки. Машина, в которой едет Генри, постоянно увязает в грязи и наконец застревает совсем. Генри и его подручные идут дальше пешком, их неоднократно обстреливают. В конце концов их останавливает итальянская полевая жандармерия, принимая за переодетых немцев, особенно подозрительным им кажется Генри с его американским акцентом. Его собираются расстрелять, но лейтенанту удается бежать — он с разбегу прыгает в реку и долго плывет под водой. Набрал воздуха, ныряет снова. Генри удается уйти от погони.

Генри понимает, что с него хватит этой войны, — река словно смыла с него чувство долга. Он покончил с войной, говорит себе Генри, он создан не для того, чтобы воевать, а чтобы есть, пить и спать с Кэтрин. Больше он не намерен с ней расставаться. Он заключил сепаратный мир — лично для него война кончилась. И все же ему трудно отделаться от чувства, какое бывает у мальчишек, которые сбежали с уроков, но не могут перестать думать о том, что же сейчас происходит в школе. Добравшись наконец до Кэтрин, Генри чувствует себя, словно вернулся домой, — так хорошо ему подле этой женщины. Раньше у него так не было: он знал многих, но всегда оставался

одиноким. Ночь с Кэтрин ничем не отличается от дня — с ней всегда прекрасно. Но от войны осталась оскомина, и в голову лезут разные невеселые мысли вроде того, что мир ломает каждого. Некоторые на изломе становятся крепче, но тех, кто не хочет ломаться, убивают. Убивают самых добрых, и самых нежных, и самых храбрых — без разбора. А если ты ни то, ни другое, ни третье, то тебя убьют тоже — только без особой спешки.

Генри знает: если его увидят на улице без формы и узнают, то расстреляют. Бармен из гостиницы, где они живут, предупреждает: утром Генри придут арестовать — кто-то донес на него. Бармен находит для них лодку и показывает направление, куда надо плыть, чтобы попасть в Швейцарию. План срabатывает, и всю осень они живут в Монтрё в деревянном домике среди сосен, на склоне горы. Война кажется им очень далекой, но из газет они знают, что бои еще идут.

Близится срок родов Кэтрин, с ней не все благополучно — у нее узковат таз. Почти все время Генри и Кэтрин проводят вдвоем — у них нет потребности в общении, эта война словно вынесла их на необитаемый остров. Но вот выход в мир, к людям становится необходим: у Кэтрин начинаются схватки. Родовая деятельность очень слабая, и ей делают кесарево сечение, однако уже поздно — измученный ребенок рождается мертвым, умирает и сама Кэтрин, Вот так, думает опустошенный Генри, все всегда кончается этим — смертью. Тебя швыряют в жизнь и говорят тебе правила, и в первый же раз, когда застанут врасплох, убивают. Никому не дано спрятаться ни от жизни, ни от смерти.

Скачано с сайта [Краткое Содержание](http://kratkoe-soderjanie.ru).